

Литература русского зарубежья – русская эмиграция

Сразу после Октябрьской революции новая власть закрыла границы и допускала любой, даже временный, выезд из страны только «лояльным лицам» с разрешения органов государственной безопасности. С 21 ноября 1921 года побег за границу и невозвращение из-за границы стали рассматриваться как преступление, и наказывались конфискацией всего имущества и расстрелом; в некоторых случаях наказанию подлежали и оставшиеся в СССР члены семьи «невозвращенца». Получить же от властей СССР выездную визу и легально выехать на постоянное место жительства в другую страну было затруднительно и не всегда возможно.

В общих чертах уже сложилась и общепризнанна традиционная схема периодизации российской эмиграции после 1917 года, эмиграции из Советского Союза. Она состояла как бы из четырех эмиграционных ”волн”, резко отличающихся друг от друга по причинам, географической структуре, продолжительности и интенсивности эмиграции, по степени участия в них евреев и т.д.

Первая волна (1918 – 1922) – военные и гражданские лица, бежавшие от победившей в ходе революции и Гражданской волны советской власти, а также от голода. Эмиграция из большевистской России, по разным оценкам, составляла от 1,5 до 3 млн. человек. Однако (за исключением разве что “философских пароходов” с полутора сотней душ на борту) это все-таки были беженцы, а не депортанты. Здесь, безусловно, не учтены оптационные передачи населения, обусловленные тем, что части территории бывшей Российской империи в результате Первой мировой войны и революционных событий либо отошли к соседним государствам (как Бесарабия к Румынии), либо стали самостоятельными государствами, как Финляндия, Польша и страны Балтии.

Вторая волна (1941 – 1944) – лица, перемещенные за границы СССР в ходе Второй мировой войны и уклонившиеся от репатриации на родину (“невозвращенцы”). Наш анализ принудительной репатриации советских граждан привел нас к оценке числа “невозвращенцев” не более чем в 0,5 – 0,7 млн. человек, включая и граждан прибалтийских республик (но не включая поляков, вскоре после войны репатриировавшихся с территории СССР).

Третья волна (1948 – 1989/1990) – это, по сути, вся эмиграция периода “холодной войны”, так сказать, между поздним Сталиным и ранним Горбачевым. Количественно она укладывается приблизительно в полмиллиона человек, то есть близка результатам “второй волны”.

Четвертая волна (1990 – по настоящее время) – это, по сути, первая более или менее цивилизованная эмиграция в российской истории. Как отмечает Ж.А. Зайчковская, *«...она все больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран, предопределяется не политическими, как прежде, а экономическими факторами, которые толкают людей ехать в другие страны в поисках более высоких заработков, престижной работы, иного качества жизни и т.п.»*. Ее количественные оценки нужно обновлять ежегодно, поскольку волна эта хотя уже и не в самом разгаре, но далеко еще не закончилась.

Эмиграция и революция («Первая волна»)

Белая эмиграция. После поражений Белой Армии на Северо–Западе первыми военными эмигрантами стали части армии генерала Юденича. После поражений на Востоке другой очаг эмиграционной диаспоры (примерно в 400 тыс. чел.) образовался в Маньчжурии с центром в Харбине. После поражений на Юге пароходы, отправлявшиеся из черноморских портов в тылу отступающих деникинских и врангелевских войск (главным образом Новороссийска, Севастополя и Одессы), как правило, брали курс на Константинополь, ставший на время “Малой Россией”.

Положение эмигрантской колонии в Шанхае, по сравнению с Европой и Харбином, было несравненно более тяжелым, в том числе и из-за невозможности конкуренции с китайцами в

сфере неквалифицированного труда. Тяньцзинь, Пекин, Ханьчжоу. Общая же людность русских колоний в Маньчжурии и Китае в 1923 году, когда война уже закончилась, оценивалась приблизительно в 400 тысяч человек. Из этого количества не менее 100 тысяч получили в 1922–1923 годах советские паспорта, многие из них – не менее 100 тысяч человек – репатриировались в РСФСР (свою роль тут сыграла и объявленная 3 ноября 1921 года амнистия рядовым участникам белогвардейских соединений). Значительными (подчас до десятка тысяч человек в год) были на протяжении 1920–х годов и реэмиграции русских в другие страны, особенно молодежи, стремящейся в университеты (в частности, в США, Австралию и Южную Америку, а также Европу).

Первый поток беженцев на **Юге России** имел место также в начале 1920 года. Гражданских и военных беженцев расселяли в лагерях под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии. 190 тысяч имен с адресами, при этом количество военных оценивалась в 50–60 тысяч человек, а гражданских беженцев – в 130–150 тысяч человек.

Наиболее видные “беженцы” (аристократы, чиновники и коммерсанты), как правило, были в состоянии оплатить билеты, визы и прочие сборы. В течение одной–двух недель в Константинополе они улаживали все формальности и отправлялись дальше, в Европу, – главным образом во Францию и Германию.

К концу зимы 1921 года в Константинополе оставались лишь беднейшие и неимущие, а также военные. Началась стихийная реэвакуация, особенно крестьян и пленных красноармейцев, не опасавшихся репрессий.

Политически «громкая» эмиграционная акция Советской России как депортация ученых гуманитарного профиля в 1922 году. Она состоялась осенью 1922 года: два знаменитых «**философских парохода**» доставили из Петрограда в Германию (Штеттин) около 50 выдающихся российских гуманитариев (вместе с членами их семей – примерно 115 человек).

Общее количество эмигрантов из России, на 1 ноября 1920 года, по подсчетам американского Красного Креста, составляло 1194 тысяч человек; позднее эта оценка была увеличена до 2092 тысяч человек.

В то же время В. Кабузан оценивает общее число эмигрировавших из России в 1918–1924 годах величиной не менее 5 млн. человек, включая сюда и около 2 млн. **оптантов**, то есть жителей бывших российских (польских и прибалтийских) губерний, вошедших в состав новообразованных суверенных государств.

Выполнивший роль главной перевалочной базы эмиграции Константинополь со временем утратил свое значение. Признанными центрами “первой эмиграции” стали, на ее следующем этапе, Берлин и Харбин (до его оккупации японцами в 1936 году), а также Белград и София. Русское население Берлина насчитывало в 1921 году около 200 тысяч человек. Позднее на первые места выдвинулись Прага и Париж. Приход к власти нацистов еще более оттолкнул русских эмигрантов от Германии. На первые места в эмиграции выдвинулись Прага и, в особенности, Париж. Еще накануне Второй Мировой войны, но в особенности во время боевых действий и вскоре после войны обозначилась тенденция переезда части первой эмиграции в США.

Таким образом, несмотря на ощутимую азиатскую часть, первую эмиграцию можно без преувеличения обозначить как преимущественно европейскую. Вопрос об ее этническом составе не поддается количественной оценке, но и заметное преобладание русских и других славян так же достаточно очевидно. По сравнению с предреволюционной эмиграцией из России, участие евреев в «первой волне» довольно скромное: эмиграция евреев происходила при этом не на этнических, а скорее на общих социально–политических основаниях.

Как исторический феномен “первая эмиграция” уникальна и в количественном, и в качественном планах. Она стала, во–первых, одним из самых масштабных в мировой истории эмиграционным движением, осуществившимся в необычайно сжатые сроки. Во–вторых, она знаменовала собой перенос на чужую почву целого общественно–культурного слоя, для существования которого на родине уже не имелось достаточных предпосылок.

В–третьих, распространенной поведенческой парадигмой этой волны (отчасти связанной с неоправдавшейся надеждой на ее вынужденный и кратковременный характер) стали замыкание на собственную среду, установка на воссоздание в ее составе как можно большего числа имевшихся на родине общественных институтов и фактический (и, разумеется, временный) отказ от интеграции в новое общество. В–четвертых, поляризация самой эмигрантской массы и в широком смысле деградация значительной ее части с предрасположенностью к внутренним конфликтам и распрям также явились прискорбными выводами, которые приходится констатировать.

Сохранить профессию и применить по назначению талант удавалось сравнительно немногим, главным образом, представителям интеллигенции, как художественной, так и научной.

Литература русского зарубежья – ветвь русской литературы, возникшая после 1917 года за пределами Советской России и СССР.

Литература русского зарубежья делится на три периода, соответствующие трём волнам в истории русской эмиграции:

- 1918 – 1940 годы – первая волна,
- 1940 – 1950–е (или середина 1960–х) годы – вторая волна,
- 1960 (или середина 1960–х) – 1980–е годы – третья волна.

Социальные и культурные обстоятельства каждой волны оказывали непосредственное влияние на развитие литературы русского зарубежья и её жанров.

В литературе

- Булгаков М. «Бег»
- Набоков В. «Другие берега»
- Газданов Г. «Вечер у Клэр»
- Толстой А. «Эмигранты», «Похождения Невзорова, или Ибикус»
- Барякина Э. «Белый Шанхай»

Понятие «русское зарубежье» возникло и оформилось после Октябрьской революции 1917, когда Россию массово начали покидать беженцы. После 1917 из России выехало около 2–х миллионов человек. В центрах рассеяния – Берлине, Париже, Харбине – была сформирована «Россия в миниатюре», сохранившая все черты русского общества. За рубежом выходили русские газеты и журналы, были открыты школы и университеты, действовала Русская Православная Церковь. Но несмотря на сохранение первой волной эмиграции всех особенностей русского дореволюционного общества, положение беженцев было трагическим. В прошлом у них была потеря семьи, родины, социального статуса, рухнувший в небытие уклад, в настоящем – жестокая необходимость вживаться в чуждую действительность. Надежда на скорое возвращение не оправдалась, к середине 1920–х стало очевидно, что России не вернуть и в Россию не вернуться. Боль ностальгии сопровождалась необходимостью тяжелого физического труда, бытовой неустроенностью; большинство эмигрантов вынуждено было завербоваться на заводы «Рено» или, что считалось более привилегированным, освоить профессию таксиста.

Россию покинул цвет русской интеллигенции. Больше половины философов, писателей, художников были высланы из страны или эмигрировали. За пределами родины оказались религиозные философы Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, Л. Шестов, Л. Карсавин. Эмигрантами стали Ф. Шаляпин, И. Репин, К. Коровин, известные актеры М. Чехов и И. Мозжухин, звезды балета Анна Павлова, Вацлав Нижинский, композиторы С. Рахманинов и И. Стравинский. Из числа известных писателей эмигрировали: Ив. Бунин, Ив. Шмелёв, А. Аверченко, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Дон–Аминадо, Б. Зайцев, А. Куприн, А. Ремизов, И. Северянин, А. Толстой, Н. Тэффи, Саша Чёрный. Выехали за границу и молодые литераторы: М. Цветаева, М. Алданов, Г. Адамович, Г. Иванов, В. Ходасевич. Русская литература,

откликнувшаяся на события революции и гражданской войны, запечатлевшая рухнувший в небытие дореволюционный уклад, оказывалась в эмиграции одним из духовных оплотов нации. Национальным праздником русской эмиграции стал день рождения Пушкина.

В эмиграции литература была поставлена в неблагоприятные условия: отсутствие массового читателя, крушение социально–психологических устоев, бесприютность, нужда большинства писателей должны были неизбежно подорвать силы русской культуры. Но этого не произошло: с 1927 начинается расцвет русской зарубежной литературы, на русском языке создаются великие книги. В 1930 Бунин писал: «Упадка за последнее десятилетие, на мой взгляд, не произошло. Из видных писателей, как зарубежных, так и «советских», ни один, кажется, не утратил своего таланта, напротив, почти все окрепли, выросли. А, кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности».

Утратив близких, родину, всякую опору в бытии, поддержку где бы то ни было, изгнанники из России получили взамен право творческой свободы. Это не свело литературный процесс к идеологическим спорам. Атмосферу эмигрантской литературы определяла не политическая или гражданская неподотчетность писателей, а многообразие свободных творческих поисков.

Развитие русской литературы в изгнании шло по разным направлениям: писатели **старшего поколения** исповедовали позицию «сохранения заветов», самоценность трагического опыта эмиграции признавалась **младшим поколением** (поэзия Г.Иванова, «парижской ноты»), появились писатели, ориентированные на западную традицию (В.Набоков, Г.Газданов).

Старшее поколение писателей–эмигрантов

Стремление «удержать то действительно ценное, что одухотворяло прошлое» (Г.Адамович) – в основе творчества писателей старшего поколения, успевших войти в литературу и составить себе имя еще в дореволюционной России. К старшему поколению писателей относят: Бунина, Шмелева, Ремизова, Куприна, Гиппиус, Мережковского, М. Осоргина. Литература «старших» представлена преимущественно прозой. В изгнании прозаиками старшего поколения создаются великие книги: *Жизнь Арсеньева* (Нобелевская премия 1933), *Темные аллеи* Бунина; *Солнце мертвых*, *Лето Господне*, *Богомолье* Шмелева; *Сивцев Вражек* Осоргина; *Путешествие Глеба*, *Преподобный Сергей Радонежский* Зайцева; *Иисус Неизвестный* Мережковского. Куприн выпускает два романа *Купол святого Исаакия Далматского* и *Юнкера*, повесть *Колесо времени*. Значительным литературным событием становится появление книги воспоминаний *Живые лица* Гиппиус.

Среди поэтов, чье творчество сложилось в России, за границу выехали И.Северянин, С. Чёрный, Д. Бурлюк, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Вяч. Иванов. В историю русской поэзии в изгнании они внесли незначительную лепту, уступив пальму первенства молодым поэтам – Г. Иванову, Г. Адамовичу, В.Ходасевичу, М.Цветаевой, Б.Поплавскому, А.Штейгеру и др. Главным мотивом литературы старшего поколения стала тема **ностальгической памяти об утраченной родине**. Темы, к которым наиболее часто обращаются прозаики старшего поколения, ретроспективны: тоска по «вечной России», события революции и гражданской войны, русская история, воспоминания о детстве и юности. Смысл обращения к «вечной России» получили биографии писателей, композиторов, жизнеописания святых: Ив.Бунин пишет о Толстом (*Освобождение Толстого*), М.Цветаева – о Пушкине (*Мой Пушкин*), В.Ходасевич – о Державине (*Державин*), Б.Зайцев – о Жуковском, Тургеневе, Чехове, Сергии Радонежском (одноименные биографии). Создаются автобиографические книги, в которых мир детства и юности, еще не затронутый великой катастрофой, видится «с другого берега» идиллическим и просветленным: поэтизирует прошлое Ив.Шмелев (*Богомолье*, *Лето Господне*), события юности реконструирует Куприн (*Юнкера*), последнюю автобиографическую книгу русского писателя–дворянина пишет Бунин (*Жизнь Арсеньева*), путешествие к «истокам дней» запечатлевают Б.Зайцев (*Путешествие Глеба*) и Толстой

(*Детство Никиты*). Особый пласт русской эмигрантской литературы составляют произведения, в которых дается оценка трагическим событиям революции и гражданской войны: Ремизова *Взвихренная Русь*, *Учитель музыки*, *Сквозь огонь скорбей*. Скорбной обличительностью насыщены дневники Бунина *Окаянные дни*, роман Осоргина *Сивцев Вражек*, Шмелев создает трагическое повествование о красном терроре в Крыму – эпопею *Солнце мертвых*. Противопоставляя «вчера» и «нынешнее», старшее поколение делало выбор в пользу утраченного культурного мира старой России, не признавая необходимости вживаться в новую действительность эмиграции. Это обусловило и эстетический консерватизм «старших»: «Пора бросить идти по следам Толстого? – недоумевал Бунин. – А по чьим следам надо идти?».

Младшее поколение писателей в эмиграции

Иной позиции придерживалось младшее «незамеченное поколение» писателей в эмиграции, поднявшееся в иной социальной и духовной среде, отказавшееся от реконструкции безнадежно утраченного. Молодые писатели, не успевшие создать себе прочную литературную репутацию в России: В.Набоков, Г.Газданов, М.Алданов, М.Агеев, Б.Поплавский, Н.Берберова, А.Штейгер, Д.Кнут, И.Кнорринг, Л.Червинская, В.Смоленский, И.Одоевцева, Н.Оцуп, И.Голенищев–Кутузов, Ю.Мандельштам, Ю.Терапиано и др. Их судьба сложилась различно. **Набоков и Газданов** завоевали общеевропейскую, в случае Набокова, даже мировую славу. **Алданов**, начавший активно печатать исторические романы в самом известном эмигрантском журнале «Современные записки», примкнул к «старшим». Практически никто из младшего поколения писателей не мог заработать на жизнь литературным трудом: Газданов стал таксистом, Кнут развозил товары, Терапиано служил в фармацевтической фирме, многие перебивались грошовым приработком. Наиболее остро и драматично тяготы, выпавшие на долю «незамеченного поколения», отразились в бескрайней поэзии «парижской ноты», созданной Г. Адамовичем. Предельно исповедальная, метафизическая и безнадежная «парижская нота» звучит в сборниках Поплавского (*Флаги*), Оцупа (*В дыму*), Штейгера (*Эта жизнь, Дважды два – четыре*), Червинской (*Приближение*), Смоленского (*Наедине*), Кнута (*Парижские ночи*), А.Присмановой (*Тень и тело*), Кнорринг (*Стихи о себе*). Если старшее поколение вдохновлялось ностальгическими мотивами, то младшее оставило документы русской души в изгнании, изобразив действительность эмиграции. Жизнь «русского монпарно» запечатлена в романах Поплавского *Аполлон Безобразов*, *Домой с небес*. Немалой популярностью пользовался и *Роман с кокаином* Агеева. Широкое распространение приобрела и бытовая проза: Одоевцева *Ангел смерти*, *Изоolda*, *Зеркало*, Берберова *Последние и первые*. *Роман из эмигрантской жизни*.

Едва ли не самым ценным вкладом писателей в русскую литературу должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза. Младшее поколение писателей внесло значительный вклад в мемуариистику: Набоков *Другие берега*, Берберова *Курсив мой*, Терапиано *Встречи*, Варшавский *Незамеченное поколение*, В.Яновский *Поля Елисейские*, Одоевцева *На берегах Невы*, *На берегах Сены*, Г.Кузнецова *Грасский дневник*.

Набоков и Газданов принадлежали к «незамеченному поколению», но не разделили его судьбы, не усвоив ни богемно–нищенского образа жизни «русских монпарно», ни их безнадежного мироощущения. Их объединяло стремление найти альтернативу отчаянию, изгнаннической неприкаянности, не участвуя при этом в круговой поруке воспоминаний, характерной для «старших». Медитативная проза Газданова, технически остроумная и беллетристически элегантная была обращена к парижской действительности 1920 – 1960–х. В основе его мироощущения – философия жизни как формы сопротивления и выживания. Свообразно преломился опыт русского эмигранта и в первом романе В.Набокова *Машенька*, в котором путешествие к глубинам памяти, к «восхитительно точной России» высвобождало героя из плена унылого существования. Блистательных персонажей, героев–победителей, одержавших победу в сложных, а подчас и драматичных, жизненных ситуациях, Набоков

изображает в своих романах *Приглашение на казнь*, *Дар*, *Ада*, *Подвиг*. Торжество сознания над драматическими и убогими обстоятельствами жизни – таков пафос творчества Набокова, скрывавшийся за игровой доктриной и декларативным эстетизмом. В эмиграции Набоков также создает: сборник рассказов *Весна в Фиальте*, мировой бестселлер *Лолита*, романы *Отчаяние*, *Камера обскура*, *Король, дама, валет*, *Посмотри на арлекинов*, *Пнин*, *Бледное пламя* и др.

В промежуточном положении между «старшими» и «младшими» оказались поэты, издавшие свои первые сборники до революции и довольно уверенно заявившие о себе еще в России: Ходасевич, Иванов, Цветаева, Адамович. В эмигрантской поэзии они стоят особняком. Цветаева в эмиграции переживает творческий взлет, обращается к жанру поэмы, «монументальному» стиху. В Чехии, а затем во Франции ей написаны *Царь–девица*, *Поэма Горы*, *Поэма Конца*, *Поэма воздуха*, *Крысолов*, *Лестница*, *Новогоднее*, *Попытка комнаты*. Ходасевич издает в эмиграции вершинные свои сборники *Тяжелая лира*, *Европейская ночь*, становится наставником молодых поэтов, объединившихся в группу «Перекресток». Иванов, пережив легковесность ранних сборников, получает статус первого поэта эмиграции, выпускает поэтические книги, зачисленные в золотой фонд русской поэзии: *Стихи*, *Портрет без сходства*, *Посмертный дневник*. Особое место в литературном наследии эмиграции занимают мемуары Иванова *Петербургские зимы*, *Китайские тени*, его известная поэма в прозе *Распад атома*. Адамович публикует программный сборник *Единство*, известную книгу эссе *Комментарии*.

Научным центром русской эмиграции долгое время была Прага. В Праге был основан Русский народный университет, там бесплатно учились 5 тысяч русских студентов. Сюда же перебрались многие профессора и преподаватели вузов. Важную роль в сохранении славянской культуры, развитии науки сыграл «Пражский лингвистический кружок». С Прагой связано творчество Цветаевой, которая создает в Чехии лучшие свои произведения. До начала Второй мировой войны в Праге выходило около 20 русских литературных журналов и 18 газет. Среди пражских литературных объединений – «Скит поэтов», Союз русских писателей и журналистов.

С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выезжали представители творческой интеллигенции. Писатели–эмигранты третьей волны, как правило, принадлежали к поколению «шестидесятников», немаловажную роль для этого поколения сыграл факт его формирования в военное и послевоенное время. «Дети войны», выросшие в атмосфере духовного подъема, возлагали надежды на хрущевскую «оттепель», однако вскоре стало очевидно, что коренных перемен в жизни советского общества «оттепель» не сулит. Началом свертывания свободы в стране принято считать 1963, когда состоялось посещение Н.С.Хрущевым выставки художников–авангардистов в Манеже. Середина 1960–х – период новых гонений на творческую интеллигенцию и, в первую очередь, на писателей. Первым писателем, высланным за границу, становится в 1966 В.Тарсис.

В начале 1970–х СССР начинает покидать интеллигенция, деятели культуры и науки, в том числе, писатели. Из них многие были лишены советского гражданства (А.Солженицын, В.Аксенов, В.Максимов, В.Войнович и др.). С третьей волной эмиграции за границу выезжают: Аксенов, Ю.Алешковский, Бродский, Г.Владимов, В.Войнович, Ф.Горенштейн, И.Губерман, С.Довлатов, А.Галич, Л.Копелев, Н.Коржавин, Ю.Кублановский, Э.Лимонов, В.Максимов, Ю.Мамлеев, В.Некрасов, С.Соколов, А.Синявский, Солженицын, Д.Рубина и др. Большинство писателей эмигрирует в США, где формируется мощная русская диаспора (Бродский, Коржавин, Аксенов, Довлатов, Алешковский и др.), во Францию (Синявский, Розанова, Некрасов, Лимонов, Максимов, Н.Горбаневская), в Германию (Войнович, Горенштейн).

Писатели третьей волны оказались в эмиграции в совершенно новых условиях, они во многом были не приняты своими предшественниками, чужды «старой эмиграции». В

отличие от эмигрантов первой и второй волн, они не ставили перед собой задачи «сохранения культуры» или запечатления лишений, пережитых на родине. Совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык мешали возникновению связей между поколениями. Русский язык в СССР и за границей за 50 лет претерпел значительные изменения, творчество представителей третьей волны складывалось не столько под воздействием русской классики, сколько под влиянием популярной в 1960–е американской и латиноамериканской литературы, а также поэзии М.Цветаевой, Б.Пастернака, прозы А.Платонова. Одной из основных черт русской эмигрантской литературы третьей волны станет ее тяготение к авангарду, постмодернизму. Вместе с тем, третья волна была достаточно разнородна: в эмиграции оказались писатели реалистического направления (Солженицын, Владимов), постмодернисты (Соколов, Мамлеев, Лимонов), антиформалист Коржавин. Русская литература третьей волны в эмиграции, по словам Коржавина, это «клубок конфликтов»: «Мы уехали для того, чтобы иметь возможность драться друг с другом».

В последние десятилетия XIX в. творческие достижения российской словесности можно считать относительно скромными и в целом застойные явления были очевидны. Волна критики накатила в первую очередь на текущую поэзию. Философ и поэт В. С. Соловьев одним из первых и в статьях, и в стихах заговорил об утрате ею былой "звонкости" как в содержании, так и в форме.

Однако кризис равно затронул и прозу, из нее тоже ушла "звонкость". Без высоких порывов живет население рассказов, повестей и романов тех лет: врачи и художники А. П. Чехова, инженеры Н. М. Гарина–Михайловского, мечтатели В. Г. Короленко, разочаровавшиеся интеллигенты А. И. Эртеля и т.д. В книгах как названных, так и других прозаиков почти нет пафосных страстей, характерных для творчества И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. От мажорной мысли раннего творчества "Да здравствует весь мир!" периода создания романа–эпопеи "Война и мир" поздний Л. Н. Толстой, работая над романом "Анна Каренина", обращается к мысли камерной, "семейной".

При этом в ту же пору творческие личности оптимистично прогнозировали рождение "нового искусства", и их прогнозы выливались в споры о том, каким оно должно быть, на каких путях и как скоро случится желанное обновление. Решительными пропагандистами и теоретиками обновления выступили литераторы–модернисты. Они сходились в том, что случившийся "упадок искусства" связан с его отклонением и от "вечных" задач в сторону "утилитарных", т.е. общественно полезных задач текущего времени.

Однако вопреки пессимистическим прогнозам к исходу первого десятилетия нового века достижения именно этой прозы особенно радовали читателей. Критика заговорила о "воскрешении реализма". Р. В. Иванов–Разумник определил это явление как *новый реализм* позже об обновленном реализме писали М. Волошин, Г. И. Чулков, Е. А. Колтоновская и др. В конце второго десятилетия Е. И. Замятин ввел в обиход термин "неореализм".

Можно предположить, что искусство Серебряного века выросло на драматической почве поисков выхода из масштабного интеллектуального кризиса, глобальных творческих сдвигов и мировоззренческих перемен.

Нельзя сказать, что в течение пяти – десяти лет вся, условно говоря, реалистическая литература перестроилась и обновилась. Были художники, которые по–прежнему пристально вглядывались в текущую действительность, социально–бытовые конфликты, тяготели к натуральной, относительно прозрачной образности.

Затем, во второй половине 1910–х гг., в литературу вошли С. Н. Сергеев–Ценский, Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев, А. П. Толстой, М. М. Пришвин, Е. И. Замятин и др. Между ними и классикой Нового времени стояла литература старших современников, чей опыт они, конечно, тоже учитывали. Этим художников слова сразу восприняли как литераторов–новаторов.

По сравнению с предшествующей неореалистическая проза менее дидактична. В условиях распада былых целостных представлений о мире, обществе, человеке многие авторы уходили

от претензий на создание словесности, способной быть учебником жизни, уклонялись от комментирования того, что они отображают, от указания того, что есть истина. Чеховский принцип "пусть судят присяжные заседатели" (т.е. читатели) нашел в новом реализме достаточно широкое воплощение.

Во второй половине 1910-х гг. общественно-бытовые и политические конфликты в произведениях неореалистов отходят на второй-третий план. Отказ значительной части культурных людей от социального радикализма случился после – и во многом вследствие – баррикадных событий 1905–1907 гг., в которых погибло множество невинных, случайных людей.

Тогда и позже сочувствие обездоленным в неореализме уже не сопровождается пропагандой бунта, поиском высшей правды в народной стихии. Можно сказать, в гражданской позиции неореалисты эволюционировали в сторону символистов, которые связывали идеалы совершенного общежития не с бессмысленным и беспощадным бунтом, а с всеобщей духовной революцией.

О "гуманизме" ненависти рассказ-притча "Дракон" (1918) Е. И. Замятина. Рыцарь революции, вчерашний крестьянин, которому новая власть дала право убивать, дыханием отогревает замерзшего "воробьёныша". Этим исчерпывается его потенциал добра, он легко, "штычком", расправляется с "врагом", распознанным по "морде интеллигентной". О "пещерных" временах революции и рассказы Замятина "Мамай" (1921), "Пещера" (1922).

Классическая философия – христианская по своей сути – не могла, говоря об Абсолюте, избежать вопроса о Боге. Человек вступил в конфликт с Богом, и это нашло широкое отражение в неореалистической прозе философской проблематики. В ней появились не просто острые, а невыносимые несколькими годами ранее конфликты.

Конфликт, в основе которого лежит разное отношение к прошлому и будущему, издавна существовал в литературе. В светской словесности, в отличие от религиозной, как правило, негармоничное прошлое и настоящее противопоставлялось гармоничному будущему; положительный заряд несли герои, не удовлетворенные тем, что есть, устремленные в то, что, по их мнению, будет или должно быть. На рубеже Нового и Новейшего времени, прежде всего в неореализме, прогрессивно-исторический подход и просто историзм в отображении реалий жизни ослабевают. Обозначилось стремление понять и представить сущность человека "вообще", в связи с замыслом Создателя или природы, вне сословных, имущественных, интеллектуальных разделений. Миф о светлом будущем не ушел совсем, по потеснился, дал место и мифу о светлых святых временах прошлого, о бессребрениках, угодниках.

Влияние символизма на реализм, как, впрочем, и обратное влияние, не вызывает сомнений. Становление неореалистической прозы совпало с явлением акмеизма и футуризма – вероятно, и эти обстоятельства обусловили некоторые характерные признаки. С футуризмом новый реализм роднит смелое экспериментаторство, отношение к слову как к материалу, с акмеизмом – причастность к прошлой культуре, скрытая религиозность, желание усваивать и развивать традиции, понимание того, что жизнь и трагична, и прекрасна.

Евгений Иванович Замятин (1884 – 1937, Париж) – русский писатель, критик и публицист. Отец – православный священник, мать – пианистка.

В 1902 году, окончив гимназию с золотой медалью, записался на кораблестроительный факультет Санкт-Петербургского политехнического института:

В 1908 году Замятин выходит из партии и пишет свой первый рассказ – «Один». Два года спустя начинающий автор преподаёт на кораблестроительном факультете, работает инженером и одновременно заканчивает рассказ «Девушка». В 1911 году Замятина высылают за нелегальное проживание из Петербурга. Евгений Иванович принуждён жить в Лахте, где он пишет свою первую повесть «Уездное». Это произведение привлекает внимание знатоков литературы и других писателей, в том числе Горького. «На куличках» – следующая повесть Замятина – также получает хорошие оценки критиков.

В сентябре 1917 года Замятин вернулся в Россию. В 1921 году организовал группу молодых писателей «**Серапионовы братья**». Её членами были Михаил Зощенко, Константин Федин, Всеволод Иванов, Вениамин Каверин, Николай Тихонов и др. После революции печатается запрещённая ранее повесть «На куличках».

Во время Гражданской войны в России, оставаясь убеждённым социалистом, Замятин критиковал политику большевистского правительства.

В 1920 году Замятин создаёт роман «**Мы**». Советская цензура увидела в нём прикритую издёвку над коммунистическим строем и запретила публикацию. К тому же роман содержал аллюзии на некоторые события гражданской войны («война города против деревни»). В конце 20-х годов на Замятина обрушилась кампания травли со стороны литературных властей. Без согласия автора роман был издан на английском языке в Нью-Йорке в 1924 году, а затем на чешском (1927) и французском (1929) языках, после чего произведения Замятина перестали печатать в СССР. В ноябре 1931 года уезжает – сначала в Ригу, затем в Берлин, откуда в феврале 1932 года перебирается в Париж.

Замятин пишет статьи для французских газет, основная тема – состояние современной русской прозы, а также искусства авангарда.

Замятин скучает по родине до своей смерти.

Творчество

Евгений Замятин осознавал себя представителем нового реализма, его теоретиком. Успех пришел к нему с публикацией повести "Уездное" (1913). Опираясь на традиции Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова–Щедрина, Г. И. Успенского, Ф. К. Сологуба, М. Горького, автор создает оригинальное произведение, проникнутое собственным видением "темного царства". Тематика повести – провинциальная рутина, вхождение "маленького человека" в лице вора и провокатора Барыбы во власть. Самое радикальное переосмысление классического конфликта "маленького человека" и общества. В начале повести Барыба жалок, ничтожен, в конце – чудовище из народа. Здесь, как и в других тематически близких рассказах ("Старшина", 1915; "Письменно" 1916), в повести "Алтарь" (1915), Замятин уходит от социальной трактовки поведения: неореалиста интересуют стихийные начала в характерах. В замятинском мире светят лишь редкие души, тоскующие о том, чего нет на свете, переживающие конфликт мечты и реальности. Таков, например, его герой–помор из рассказа "Африка" (1916).

Писатель кинематографичен: он не объясняет, а показывает, метафора делает интерьер зримым, выпуклым. Очень выразительны его сравнения, метонимии. Вот одно из описаний Барыбы: "Тяжкие железные челюсти, широченный, четырехугольный рот и узенький лоб: как есть уют, носиком кверху". Обращался Е. И. Замятин и к юмористической поэтике, причем и в драматических вещах, например в рассказе "Правда истинная" (1916), и к жесткой сатире, как бы настраиваясь на написание пророческого романа–антиутопии "Мы" (1921) о государстве, в котором общественное "мы" всецело победило индивидуальное "Я".

Неореализм – мост между классикой и новейшей литературой; он соединил быт и бытие, сблизил прозу и лирику, искания реалистические и модернистские, вербальное и другие виды искусства. Творчество неореалистов, как правило, отличает исключительный лаконизм: их рассказ нередко обладает емкостью повести, а повесть – емкостью романа. Школа неореализма начала века во многом предопределила и предопределяет дальнейшее развитие изящной словесности.

Роман «Мы» (1920)

В начале романа один из многих номеров (так называют людей), инженер Д-503, с восторгом описывает основанную на математике организацию жизни в городе-государстве под властью всемогущего «Благодетеля». Он и не задумывается о том, что можно жить по-другому: без «Зелёной Стены», квартир со стеклянными стенами, «Государственной Газеты», «Бюро Хранителей» и «Благодетеля». Но после встречи с I-330 он входит в группу

революционеров, стремящихся к продолжению революции и уничтожению существующего в городе строя.

«Мы» – роман-антиутопия с элементами сатиры. Действие разворачивается приблизительно в тридцать втором веке. Этот роман описывает общество жёсткого тоталитарного контроля над личностью (имена и фамилии заменены буквами и номерами, государство контролирует даже интимную жизнь), управляется «избираемым» на безальтернативной основе всемогущим «Благодетелем».

Роман построен как дневник одной из ключевых фигур гипотетического общества будущего. Это гениальный математик и главный инженер новейшего достижения технической мысли – космического корабля «ИНТЕГРАЛ». Государственная Газета призвала всех желающих внести вклад в написание послания жителям далёких планет, которые должны встретиться будущему экипажу «ИНТЕГРАЛА». В послании должна быть заложена агитация за создание на их планете такого же блистательного, абсолютного и совершеннейшего общества, какое уже создано в лице Единого Государства на Земле. Как сознательный гражданин, Д-503 (имён больше нет – люди названы «нумерами», гладко бреют голову и носят «юнифу», то есть одинаковую одежду, и лишь гласная или согласная буква в начале «нумера» указывает на принадлежность к женскому или мужскому полу соответственно) доходчиво и подробно описывает жизнь при тоталитаризме на примере своей собственной. В начале он пишет так, как обычно мыслит человек, пребывающий в блаженном неведении относительно любого другого образа жизни и общественного строя, кроме заведённого властями в его стране. Очевидно, что Единое Государство существует в незыблемом виде вот уже не одну сотню лет; и вроде бы всё выверено с безошибочной точностью. «Зелёная Стена» отделяет гигантский город-государство от окружающей природы; «Часовая Скрижаль» минута в минуту регулирует режим общества; все квартиры абсолютно одинаковы со своими стеклянными стенами и аскетическим набором мебели; действует закон «розовых билетов» и «сексуального часа», который гарантирует право каждого на каждого (чтобы ни у кого не было ни малейшей привязанности ни к кому); «Бюро Хранителей» обеспечивает госбезопасность и в случае казни уничтожает преступника с помощью особой машины мгновенно, путём превращения в лужицу воды; всемогущий правитель, называемый «Благодетелем».

С самого начала видно, что государство всё-таки не смогло полностью вытравить из людей человеческое. Так, по-прежнему существует привязанность к близким. В частности, главный герой предпочитает проводить свои «сексуальные часы» с О-90 – розовощёкой, пышнотелой и невысокой девушкой, которая и сама не стремится подавать заявку на кого-то, кроме Д-503. Однако и у неё есть ещё один половой партнёр – поэт R-13. Но они с Д-503 дружат, и в своём дневнике главный герой называет О и R своей семьёй.

После встречи с женским номером I-330 (худая, сухая и жилистая актриса) жизнь Д сильно меняется. С первого знакомства с ней герой чувствует неосознанную угрозу своей прежней жизни. I-330 проявляет настойчивость, и их встречи происходят всё чаще – в том числе в неположенное время (когда все на работе). Нарушает герой по магнетической воле I и другие законы Единого Государства: в «Древнем Доме» (музей под открытым небом – сохранённая в первозданном виде квартира XX в.) она даёт ему попробовать алкоголь и табак (в Едином Государстве любые вызывающие привыкание вещества строжайше запрещены). В ходе дальнейшего общения с ней главный герой понимает, что влюбился абсолютно в «древнем» понимании слова – «не может жить без неё», повинуется её указаниям, хотя для него очевидна их преступность (по законам Единого Государства). Она признаётся, что работает в интересах революции. На восклицание героя, что последняя революция случилась давно и привела к становлению Единого Государства, I горячо возражает, что последней революции не может быть, как и последнего числа. Выясняется, что не только старуха – сотрудница музея, но и врач (и даже кое-кто из Хранителей!) покрывают революционеров. Все эти номера так или иначе способствуют встречам Д с I.

О внезапно является к Д без билетика и требует дать ей ребёнка ; очевидно, что и О дерзко преступает закон). О-90 беременеет от Д-503.

Потрясённый ещё недавно казавшимися немыслимыми событиями последнего времени, Д-503 решает обследоваться у врачей – и в итоге выясняется, что у него, по словам психотерапевта из Медицинского Бюро, «образовалась душа». Причём врач отмечает, что в последнее время таких случаев становится всё больше. Между тем I-330 поверяет Д в тайны революции. Она ведёт его за Зелёную Стену, где, как выясняется, тоже живут люди – поросшие неестественно длинными волосами «дикари». Так произошло вследствие исторического развития Земли, когда установлению Единого Государства предшествовала Великая Двухсотлетняя война. Тогда от голода, болезней и непосредственно в ходе военных действий вымерли миллиарды людей. Последние несколько миллионов приспособились к принципиально новой жизни, когда даже пища является продуктом перегонки нефти и в виде одинаковых кубиков распределяется между всеми поровну. Расы перестали существовать, и лишь отдельные антропологические черты выдают в номерах те или иные черты предков. Например, Д-503 имеет повышенное оволосение на теле, а его друг R-13 – толстые, «негрские», губы. Миллионы жителей города-государства свято верили, что, кроме них, на Земле больше нет людей. Опираясь на массы «дикарей», революционеры хотят подорвать Зелёную Стену во многих местах и как бы бросить саму природу в бой на отвыкший от естественной среды город-государство. Но предварительно, на «Дне Единогласия» (главный государственный праздник – перевыборы Благодетеля, на котором все единогласно голосуют «За» перевыбор, олицетворяя этим единение), I-330 и ещё достаточно много номеров голосуют против. Поскольку такое случается впервые за последние века, среди не-Мефи начинается паника, однако Хранителям удаётся сохранить порядок. Герой видит, как его друг, поэт, уносит сбитую с ног и едва не затоптанную напуганной толпой I-330 на руках, что может указывать, что и он – с Мефи. Когда Хранители ходят по квартирам и арестовывают каждого подозрительного, Д-503 чуть было не становится жертвой собственного дневника, но Хранители читают только верхнюю страницу, где инженер успел написать несколько сумбурных предложений во славу Благодетеля.

Революционеры готовят неслыханный по дерзости план – захватить только что построенный «ИНТЕГРАЛ», на котором установлено мощное оружие, способное сокрушить Единое Государство. Д-503, одержимый чувствами к I, активно содействует. Однако во время первого полёта, когда «ИНТЕГРАЛ» должен перейти в руки Мефи, на борту несколько скрывавшихся Хранителей заявляют, что власти в курсе коварного плана. Как только Мефи видят, что им не удастся застать силовиков врасплох, они отменяют операцию. Главный герой решает, что его лишь использовали. Однако позже он впервые посещает квартиру I и видит там множество розовых билетиков, как ему в начале показалось, только со своим номером. Но, увидев ещё один, не запомнив даже цифры, лишь только букву «Ф», он в ярости выбегает из комнаты.

Между тем Единое Государство наносит ответный удар – отныне всё население должно подвергнуться «Великой Операции», психосоматической процедуре по удалению (при помощи X-лучей) мозгового «центра фантазии». Прошедшие операцию фактически становятся биологическими машинами. В свою очередь, Мефи взрывают Зелёную Стену и отключают невидимый купол силового поля. Шокированные широким вторжением дикой природы, множество номеров впадают в массовый психоз, невообразимую эйфорию. Многие совокупаются, не опуская штор (в знак презрения к закону Сексуального Часа).

Пользуясь помощью Д-503 и I-330, в обстановке всеобщего хаоса, О-90, к этому времени уже на поздних сроках беременности, сбегает за Зелёную Стену; она не прошла Операцию и горда тем, что её ребёнок будет расти «свободным».

Обнаруживается и ещё один женский номер, влюблённый в Д-503, но до поры скрывавший это. Это Ю, дежурная при входе в дом, где находится квартира Д. Ю также работает в сфере «детоводства». Она всегда вела себя с Д так, словно он – один из её воспитанников, пыталась предостеречь его, как ребёнка, от необдуманных поступков. Она

любит его как бы неосознанно, но зато вполне осознанно (пусть и из лучших побуждений: чтобы уберечь от преступного пути) доносит на него Хранителям. Когда Д, узнав о её поступке, в состоянии аффекта бросается на неё, пожилая Ю сбрасывает юнифу и предлагает ему своё тело. Впав в безумный смех, тот не в силах убить её и покидает свою квартиру.

Неожиданно сам Благодетель удостаивает Д-503 своей аудиенции. Впервые пообщавшись с Благодетелем, герой видит, что это достаточно пожилой и утомлённый жизнью, но в принципе не слишком примечательный номер. Очевидно, что он – такой же раб системы Единого Государства, как и любой другой, пусть даже формально именно он возглавляет Государство. Как главного инженера, героя щадят и ограничиваются картинным увещанием. Одновременно с этим Благодетель подтверждает сомнения Д: для I-330 он не был возлюбленным, он использовался только в качестве главного инженера «ИНТЕГРАЛа».

С I-330 в последний раз он видится в своей комнате: она пришла узнать, о чём же они разговаривали с Благодетелем, и не более того. После встречи она уходит. Главного героя терзают страдания: он не понимает, что же ему делать далее. В расстройстве чувств он бежит в Бюро Хранителей покаяться. Там он встречается с Хранителем S-471, преследовавшим его на протяжении всех происходящих событий. Д-503 начинает весьма сумбурно рассказывать о том, что его гложет, но в ответ видит лишь улыбку. Он понимает, что S тоже заодно с революционерами, и спешно покидает Бюро. В своих метаниях среди общей паники он встречает номера, который сделал открытие: вселенная не бесконечна. Это говорит номер, сидящий на соседнем с Д унитазе в общественной уборной. Хватая из рук соседа листки бумаги, Д-503 делает свои последние записи в своём прежнем сознании. Однако затем всех, кто был рядом, загоняют в ближайший аудиториум с до боли знакомым номером 112 (там происходило его первое «запретное свидание»). Их приковывают к столам и подвергают Великой Операции. Лишившись фантазии, Д-503 выполняет свой долг (чего, собственно, и хотел и на что не решался до Операции) – сообщает о революционерах, их планах и местонахождении, а также о своей когда-то так горячо любимой I-330.

Финал романа таков:

...Вечером в тот же день – за одним столом с Ним, с Благодетелем – я сидел (впервые) в знаменитой Газовой Комнате. Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у ней острые и очень белые зубы и что это красиво.

Затем её ввели под Колокол. У неё стало очень белое лицо, а так как глаза у неё тёмные и большие – то это было очень красиво. Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух – она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснуты – это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, – смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда её вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза – и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведённые вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра они все взойдут по ступеням Машины Благодетеля.

Откладывать нельзя – потому что в западных кварталах – всё ещё хаос, рёв, трупы, звери и – к сожалению – значительное количество номеров, изменивших разуму.

Но на поперечном, 40-м проспекте удалось сконструировать временную Стену из высоковольтных волн. И я надеюсь – мы победим. Больше: я уверен – мы победим. Потому что разум должен победить.

По-видимому, на Замятина повлиял опыт, приобретённый во время пребывания в Англии в 1916 – 1917 годах. Последующие антиутопии английских писателей Джорджа Оруэлла («1984», опубл. в 1949) и О. Хаксли («О дивный новый мир», 1932) во многом аналогичны роману «Мы». Роман «Мы» повлиял также на Р. Д. Бредбери («451° по Фаренгейту», 1953).

На русском языке «Мы» вышел в 1952 году в США, в Издательстве им. Чехова (Нью-Йорк), в России – лишь в 1988 году.

Андрей Платонов (настоящее имя **Андрей Платонович Климентов**; 1899 – 1951, Москва) – русский советский писатель, драматург, поэт, публицист, сценарист.

Одиннадцать (десять) детей, Андрей – старший. Как старший, он принимает участие в воспитании и, позднее, прокормлении всех своих братьев и сестёр.

В 1906 году поступает в церковно-приходскую школу. С 1909 по 1913 год учится в городской 4-классной школе. С 1913 (или с весны 1914) по 1915 работает подёнщиком и по найму, мальчиком в конторе страхового общества «Россия»; помощником машиниста на локомотиве в имении Усть полковника Бек-Мармарчева. В 1915 году работает литейщиком на трубном заводе. С осени 1915 по весну 1918 — во многих воронежских мастерских — по изделю мельничных жерновов.

Участвовал в Гражданской войне в качестве фронтового корреспондента. С 1919 года опубликовал свои произведения, сотрудничая с несколькими газетами как поэт, публицист и критик. В 1921 году были опубликованы его стихотворения в коллективном сборнике «Стихи». В 1922 году вышла книга стихов Платонова «Голубая глубина». Брюсов положительно откликается на книгу стихов Платонова

С 8 декабря 1926 г. по 27 марта 1927 г. Платонов работает в Тамбове, где им созданы такие произведения, как «Епифанские шлюзы», «Эфирный тракт», «Город Градов».

В 1927 – 1930 гг. Платонов создаёт свои самые значительные произведения — повесть «Котлован» и роман «Чевенгур». Новаторские по языку и содержанию, оба произведения изображают в духе мрачной абсурдистской сатиры антиутопический мир Советского Союза времён индустриализации и коллективизации. Ни одно из них не было опубликовано при жизни писателя.

В 1934 году Платонова даже включили в коллективную писательскую поездку по Средней Азии – и это уже было знаком некоторого доверия. Из Туркмении писатель привёз рассказ «Такыр», и вновь началось его преследование: в «Правде» (18 января 1935) появилась разгромная статья, после которой журналы снова перестали брать платоновские тексты и возвращали уже принятые. В 1936 году публикуются рассказы «Фро», «Бессмертие», «Глиняный дом в уездном саду», «Третий сын», «Семён», в 1937 – повесть «Река Потудань».

Во время Великой Отечественной войны писатель в звании капитана служит военным корреспондентом газеты «Красная звезда», военные рассказы Платонова появляются в печати.

В конце 1946 года был напечатан рассказ Платонова «Возвращение» (авторское название – «Семья Иванова»), за который писатель в 1947 году подвергся нападкам и был обвинён в «гнуснейшей клевете на советских людей, на советскую семью, на воинов-победителей, возвращавшихся домой».

В конце 1940-х годов, лишённый возможности зарабатывать на жизнь писательством, Платонов занимается литературной обработкой русских и башкирских сказок, которые печатаются в детских журналах.

Сложное мировоззрение Андрея Платонова сочетает в себе элементы коммунизма, христианства и экзистенциализма, и не поддаётся однозначному определению.

Одной из наиболее ярких отличительных черт платоновского творчества является его оригинальный, не имеющий аналогов в русской литературе язык, который часто называют «первобытным», «нескладным», «самодельным» и т. п.

К числу ключевых мотивов в творчестве Платонова относится тема смерти и её преодоления. Идея воскрешения мёртвых, которая в сознании его героев связывается с грядущим приходом коммунизма («Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? – Нет... – Врёшь! (...) Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит?»). Один из повторяющихся мотивов в его творчестве – смерть ребёнка: в «Котловане» соответствующая сцена становится ключевой – после смерти своей воспитанницы Насти работники, копающие котлован, теряют веру во всемогущество коммунизма и надежду на победу над смертью («Я теперь ни во что не верю!»).

- 1920 – рассказ «Чульдик и Епишка»
- 1921 – рассказ «Маркун», брошюра «Электрификация»
- 1922 – книга стихов «Голубая глубина»
- 1926 – рассказ «Антисексус», повесть «Епифанские шлюзы»
- 1927 – повести «Город Градов», «Сокровенный человек», «Эфирный тракт», рассказы «Ямская слобода», «Песчаная учительница», «Как зажглась лампа Ильича»
- 1928 – повесть «Происхождение мастера», пьеса «Дураки на периферии», очерк «Че-Че-О» (в соавторстве с Б. А. Пильняком)
- 1929 – роман «Чевенгур»
- 1929 – рассказы «Государственный житель», «Усомнившийся Макар»
- 1930 – «Котлован», «Шарманка» (пьеса)
- 1931 – «Бедняцкая хроника» «Впрок», пьесы «Высокое напряжение» и «14 красных избушек»
- 1933 – 1936 – «Счастливая Москва» (роман не окончен)
- 1934 – повести «Мусорный ветер», «Ювенильное море» и «Джан», рассказ «Такыр»
- 1936 – рассказы «Третий сын» и «Бессмертие», роман «Македонский офицер» (незаверш.)
- 1937 – рассказы «Река Потудань», «В прекрасном и яростном мире», «Фро», роман «Путешествие из Москвы в Петербург» (рукопись утеряна)
- 1938 – рассказ «Июльская гроза»
- 1939 – рассказ «Родина электричества»
- 1942 – «Под небесами родины» (сборник рассказов), вышел в Уфе
- 1942 – «Одухотворённые люди» (сборник рассказов)
- 1943 – «Рассказы о Родине» (сборник рассказов)
- 1943 – «Броня» (сборник рассказов)
- 1944 – пьеса «Волшебное существо»
- 1945 – сборник рассказов «В сторону заката солнца», рассказ «Никита»
- 1946 – рассказ «Семья Иванова» («Возвращение»)
- 1947 – книги «Финист — Ясный Сокол», «Башкирские народные сказки»
- 1948 – пьеса «Ученик лицея»
- 1950 – «Волшебное кольцо» (сборник русских народных сказок)
- 1951 – «Ноев ковчег» (незавершённая пьеса-мистерия)

«**Чевенгур**» – социально-философский роман. Одно из наиболее значительных сочинений Платонова.

Первой полной публикацией романа на Западе стала лондонская (1978). В СССР издание романа стало возможным лишь в 1988 году.

Существуют различные интерпретации названия романа, которое, по ощущению его главного героя, «походило на влекущий гул неизвестной страны». По мнению С. Залыгина и Н. Малыгиной, оно связано со словами *чева* – ошмётки, обноски лаптя, и *гур* – шум, рев, рык. Иную трактовку дают Г. Ф. Ковалёв и О. Ю. Алейников, с учётом пристрастия той эпохи к разного рода революционным аббревиатурам: ЧеВеНГУР – *Чрезвычайный военный непобедимый (независимый) героический укрепленный район*.

Действие романа происходит где-то на юге России и охватывает период военного коммунизма и нэпа. Александр Дванов, главный герой романа, рано потерял отца, который утопился с мечтой о лучшей жизни после смерти. Приёмный отец Захар Павлович. «В семнадцать лет Дванов еще не имел брони под сердцем – ни веры в бога, ни другого умственного покоя...». Отправляясь «искать коммунизм среди самодеятельности населения», Александр встречает Степана Копенкина – странствующего рыцаря революции, своеобразного Дон Кихота, Дульсинеей которого становится Роза Люксембург. Копенкин спасает Дванова от анархистов банды Мрачинского.

Герои романа оказываются в своеобразном заповеднике коммунизма – городке под названием Чевенгур. Жители города уверены в ближайшем наступлении коммунистического Рая. Они отказываются трудиться (за исключением бессмысленных с рациональной точки зрения субботников), предоставляя эту привилегию исключительно Солнцу; питаются подножным кормом, решительно осуществляют обобществление жён, жестоко расправляются с буржуазными элементами (уничтожая, подчёркивает Платонов, как их тело, так и душу). Революционным процессом в Чевенгуре руководят фанатик Чепурный, сводный брат Александра Прокофий Дванов «с задатками великого инквизитора», палач-романтик Пиюся и другие.

В конце концов, город подвергается нападению не то казаков, не то кадетов; в жестоком бою защитники коммуны выказывают себя как подлинные эпические герои и почти все гибнут. Уцелевший Александр Дванов на коне Копенкина (по кличке Пролетарская Сила) отправляется к озеру, где утопился его отец, входит в воду и воссоединяется с отцом. В живых остается только Прокофий, «плачущий на развалинах города среди всего доставшегося ему имущества».

Интерпретации

Роман построен таким образом, что допускает множество различных и даже полярно противоположных интерпретаций: от антикоммунистической: «революция – это приход к власти дураков» до небольшевистской: «оправдание послереволюционного ужаса дореволюционным».

«**Котлован**» – антиутопическая повесть, написанная в 1930 году; социальная притча, философский гротеск, жёсткая сатира на СССР времён первой пятилетки.

Группе строителей дано задание построить так называемый «общепролетарский дом», цель которого – стать первым кирпичиком в утопическом городе будущего. Однако строительство заканчивается на котловане будущего фундамента дома, дальше дело не идёт, и к строителям приходит понимание тщетности создания чего-либо нового на обломках уничтоженного старого, а возможно, и осознание того, что цель не всегда оправдывает средства.

На другом плане сюжета произведения бездомная девочка Настя, являющаяся воплощением будущего, будущих жильцов дома, живущая на стройке (что символично, ввиду отсутствия кроватей строители подарили девочке два гроба, отобранных ими предварительно у крестьян – один в качестве кровати, второй – в качестве коробки для игрушек) умирает, так и не дождавшись постройки общего дома для всех: светлая когда-то утопия, логически зайдя в тупик, неотвратимо превращается в жёсткую антиутопию.

Повесть показывает жестокость и бессмысленность тоталитарного строя. Текст описывает историю большевистской России времён индустриализации и коллективизации на языке той эпохи. Несмотря на гротескность описания и иносказания в тексте, в повести отражены многочисленные элементы реального быта в эпоху Сталина.

Повесть не была опубликована при жизни Платонова, до публикации в СССР в 1987 году распространялась самиздатом.